

Геннадий
Смолин

БУЛГАКОВ
НА ПОРОГЕ
ВЕЧНОСТИ

Геннадий Александрович Смолин Булгаков на пороге вечности. Мистико-эзотерическое расследование загадочной гибели Михаила Булгакова

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36066901

Булгаков на пороге вечности: мистико-эзотерическое расследование загадочной гибели Михаила Булгакова / Г. А. Смолин. – СПб.: . . – :

Алетейя; Санкт-Петербург; 2017

ISBN 978-5-906910-54-7

Аннотация

Автором собран и обработан ценнейший, в том числе и архивный материал, заново открывший и существенно скорректировавший важные вехи трагической биографии Булгакова. Тут и тайные протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП (б), и секретная переписка его членов, отрывки из конфискованного дневника Булгакова и донесения о нем агентов ОГПУ, письма Булгакова, его родных, друзей, врагов. Неравнодушному читателю предлагается увлекательное, насыщенное неизвестными фактами литературное расследование преждевременной гибели великого русского писателя. Тут есть

все: удивительная и таинственная жизнь и судьба Михаила Булгакова; загадки и превратности творчества литератора в связи с такими знаковыми именами, как Сталин, Ленин, Троцкий, Станиславский, Горький или шеф ОГПУ-НКВД Генрих Ягода. Не обойден и такой важный вопрос, как «коллективный Сальери» и его роль в устранении Булгакова. Особое внимание уделено теме Ордена Тамплиеров в России, тайному посвящению великого писателя в кавалеры Ордена, главную роль в котором сыграл знаменитый идеолог анархистов и командор Ордена «Святого Георгия» А. А. Карелин. Без всего этого невозможно понять и принять фантастическую фигуру Булгакова и его закатный роман «Мастер и Маргарита».

Содержание

Вместо пролога	5
...Так, кто ж ты, наконец?	11
Часть первая	15
Зарница счастья	15
Посвящение в литературу	32
Метроном	49
Бунт Сатанаила	52
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Геннадий Смолин Булгаков на пороге вечности. Мистико- эзотерическое расследование загадочной гибели Михаила Булгакова

Выражаю огромную благодарность супруге Михаила Афанасьевича – Любови Евзеньевне Белозерской, её подруге Ирине, учёному-исследователю, энциклопедисту, писателю и философу Вячеславу Сахарову, профессору, доктору медицинских наук Леониду Ивановичу Дворецкому, полковнику МВД Э.А. Хлысталову, переводчику русской советской литературы Г. Люстернику в том, что эта книга состоялась, приоткрыв нам новое в том, неизвестном Михаиле Булгакове, которого мы не знали.

Вместо пролога

Тайные обстоятельства раннего ухода из жизни велико-

го писателя и драматурга Михаила Афанасьевича Булгакова и сегодня, по прошествии семидесяти пяти лет, побуждают исследователей возвращаться к документам, фактам и преданиям тех стародавних лет в надежде, хотя и призрачной, чтобы докопаться до истины. Тем более, что жизнь и смерть великого писателя перекликалась с судьбой другого русского гения – командора Ордена Тамплиеров А.С. Пушкиным.

Автором собран и обработан ценнейший, в том числе и архивный материал, заново открывший и существенно скорректирующий важные вехи трагической биографии Булгакова. Тут и тайные протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) и секретная переписка его членов, отрывки из конфискованного дневника Булгакова и донесения о нём агентов ОГПУ, письма Булгакова, Фадеева. Представляет интерес новое прочтение великого романа «Мастер и Маргарита». Уникальна впервые поднятая (в связи с именем Булгаковым) тема Ордена Тамплиеров в России, без которой невозможно понять и принять фантастическую фигуру Булгакова и его закатного романа «Мастер и Маргарита».

В книге представлены приложения с архивными документами— автобиографическими рассказами современников, мемуарами, дневниками, письмами, доносами, докладными записками агентов ОГПУ-НКВД, МТБ, КГБ, ФСБ и другие неизвестные прежде эксклюзивные материалы, позволяющие нам по-новому взглянуть на жизнь и творчество Михаила Афанасьевича Булгакова.

Некоторые скептики уже выражали свои сомнения относительно правдоподобности выбранного преступником или преступной группой способа убийства М.А. Булгакова – поджаривать его на медленном огне в течение полугода. А.М. Портнов так прокомментировал действия авторов и исполнителей убийственного арсенала «средневековой аптеки»: «Зачем преступнику или преступникам было рисковать, оттягивая развязку? Надо было заставить добропорядочных граждан поверить в естественную смерть, хотя бы от «наследственной» фамильной болезни Булгакова-отца, который скончался от гипертонического нефросклероза в 49 лет. Вот откуда проистекали все выгоды постепенного отравления организма ядом, включая и то, что частые недомогания Булгакова должны были бы сводить к «нулю» его бешеную работоспособность».

Чего в действительности опасались те, кто устранял Булгакова? Одно из своих последних произведений, пьесу «Батум», писатель посвятил Сталину и показал его романтическим героем. Почему это произведение никогда не было опубликовано и встретило такое сопротивление, в том числе со стороны Сталина? Если бы Булгаков написал то, что нужно Сталину – это было бы издано и поставлено, и он бы был осыпан почестями. Смысл этой пьесы и отторжение её Сталиным в том, что Булгаков понял Сталина. А Сталину это не понравилось. Он хотел, чтобы о нем сказали иначе. Булгаков показал, что страной и властью овладел человек с фантасти-

чески сильным, железным характером. Он свысока смотрит на людей, считая их слабее себя. И эту колоссальную деспотичность показывает Булгаков в молодом Сталине. И сразу становится понятным характер этого человека. А как только понимаешь характер – тут же выстраивается вся его судьба.

Но Булгаков перестал бы быть Булгаковым, утратил бы свою независимость и право закончить «Мастера и Маргариту». Для мастера не имело никакого значения, понравилось бы это произведение вождю или нет. Дело в другом. Создав «Мастера и Маргариту», Булгаков ясно дал властям предрешающим понять, что «перестраиваться», скажем, как Алексей Николаевич Толстой, который тонко чувствовал конъюнктуру момента, или же, как Илья Эренбург, Михаил Афанасьевич не собирался и не собирается.

Агентура ОГПУ работала тогда мобильно, масштабно и на высоком уровне.

Тот же «коллективный Сальери», видимо, очень рано был информирован о каждом произведении Мастера в общем, и о романе «Мастере и Маргарите», в частности. Булгаков однозначно встал у них на пути.

Итак, «коллективный Сальери» жил-был и здравствовал в СССР. Нашлось достаточное число высокопоставленных лиц, разглядевших в «Мастере и Маргарите» контрреволюционное, безусловно, опасное выступление. Если уж мнение друзей создавало у них впечатление чего-то истинно неповторимого и единственного в своём роде (а Булгаков был

убежден в этом), то можно себе представить мнение иерархов Кремля и мощного аппарата дозора (ОГПУ-НКВД).

Для очень верующего в коммунистические догмы, очень патриотичного, но в творческом плане чудовищно эгоцентричного «коллективного Сальери» в созидательной работе над «Мастером и Маргаритой» возрождался тот противник, имя которого прежде едва ли было достойно серьезного упоминания в их окружении. Булгаков однозначно встал у них на пути! Такое видение ситуации могло объединить «коллективного Сальери», и большинство кремлёвского руководства. Они испугались, что выход на арену такого единственного в своём роде великого писателя и драматурга, как Булгаков, отодвинет их в тень, и поэтому они всячески препятствовали его продвижению.

Эта борьба развертывалась на конкретном политическом фоне, который не могли не учитывать ни «коллективный Сальери», ни идеологическая инквизиция высших иерархов партии.

Борьба за власть на всех фронтах в то время была на повестке дня. И в связи с этим, нельзя не обратить внимание на то, что руководители ОГПУ, напрямую занимаясь такими эзотерическими организациями, как тамплиеры и антропософы в кругах творческой интеллигенции, были одними из первых, кто, преследуя широким фронтом инакомыслие, увидели в «Мастере и Маргарите» не только острую сатиру на существующий режим, но и прославление Ордена Там-

плиеров.

...Так, кто ж ты, наконец?

*(«...Ein Teil von jener Kraft
Die stets das Böse will and stets das
Guteschafft...»).*

*«...так, кто ж ты, наконец?
– Я – часть той силы, что
вечно хочет зла и вечно совершает
благо...».*

Гёте, «Фауст»

Перед вами, искушённый читатель, невыдуманная история жизни и смерти великого русского писателя Михаила Афанасьевича Булгакова. Многочисленные документы и рукописи оказались в моих руках не случайно – теперь я прекрасно понимаю это! – достались в качестве презента, если, конечно, это можно назвать презентом. Передал мне всё это богатство от Эдуарда Александровича Хлысталова, полковника МВД, следователя с легендарной Петровки 38. Он оказался человеком, чья отвага и решительность потрясли меня. Помочь ему я не смог, смог лишь полюбить как человека и профессионала.

Как духовного отца, как личность, не способную поступиться своими принципами. Но по порядку....

Приступая к чтению рукописи, я слыхом не слыхивал о городе Ершалаиме, прокураторе Понтии Пилате, Киафе, Ие-

шуа Га-Ноцри, Воланде, о рыцарях Ордена Тамплиеров, масонах и иллюминатах ¹. А если и знал о тайных обществах, об эзотерических обрядах посвящения профанов в более высокие градусы масонских табелей, то, разумеется, нечто поверхностно-расхожее, второстепенное.

Нынче я осведомлен обо всём этом гораздо больше. И как я понял, тех, кто осмеливался жить собственной правдой, слишком часто подстерегала смерть. Но стоит ли жить иначе, как простейшие микроорганизмы, как растения?

За почти что столетнюю историю, которую поведали мне пожелтевшие странички этих документов, писем или манускриптов они были опалены огнем души множества людей. Огненный смерч вовлек этих смельчаков в бешеный вихрь, которому не было сил противиться.

По наитию я зримо чувствовал: пришел мой черед. Я последний из той когорты людей, кого бушующее пламя подхватило и закружило в неудержимом сатанинском танце, чтобы затем увлечь в бездну.

Вывод напрашивался сам собой. Я обязан предать гласности то небольшое, что мы знаем или нам кажется, что знаем о Булгакове. Ради чего? Ответ прост. Я надеюсь, что сумею – пусть даже на мгновение – прервать безумную пляску огненного смерча, затеянную Воландом и его свитой, и тем самым лишить его миссию злой колдовской силы, чтобы испе-

¹ Иллюминаты – члены тайных религиозно-политических обществ в Баварии во второй половине XVIII века.

пеляющий огонь не успел поглотить и меня тоже. Задача не из лёгких, если учесть, что у тебя на глазах колдовские силы Ангелов тьмы обольщают агнцев божьих и дразнят смерть, кружа её в мучительном сладостном ритме своего сатанинского обольщения.

Преуспею ли я в своих расчётах, не знаю.

Есть одна вещь, которую я хотел бы прояснить, прежде чем вы перевернёте страницу: я вовсе не рвался пуститься в пляс и не по своей воле оказался причастным к этой истории. Моя недавняя знакомая Ирина, подруга Любви Булгаковой-Белозерской, второй жены Михаила Булгакова, как-то спросила меня:

– Вы знаете Булгакова?

Тогда я не понял вопроса, который не был однозначен, как показалось бы вначале. Только теперь мне приоткрылся тайный смысл фразы и возможно я буду тем избранником судьбы, которому суждено понять тайный смысл предметов и людей, окружавших Булгакова и узнать мастера лучше, чем кому бы то ни было.

Или же другой персонаж булгаковской истории – переводчик русской советской литературы на французский язык и масон, награждённый «Орденом почётного легиона» Гаральд Люстерник. Наконец, профессор доктор медицинских наук Леонид Иванович Дворецкий. И всех тех – причастных и непричастных, кого заманила в свои колдовские чертоги великая проза и драматургия Михаила Афанасьевича. Похо-

же, во всём виноват Булгаков с дивной музыкой его литературных шедевров.

Часть первая

Золотая лестница космосов

Зарница счастья

«Когда сто лет назад командора нашего русского ордена писателей пристрелили, на теле его нашли тяжёлую пушечную рану. Когда через сто лет будут раздевать одного из потомков перед отправкой в дальний путь, найдут несколько шрамов от финских ножей. И всё на спине. Меняется оружие!»

М.А. Булгаков, письма

Люблю Москву! До детского восторга, до страстной влюблённости юноши, идущего на своё первое свидание. Москва, Первопрестольная... Это насквозь русский город, как бы его не старались переделать революционеры-большевики семнадцатого года или толстосумы эпохи 90-х. Российская столица всегда возрождалась из пепла социальных перестроек, поблёскивая гранями русскости как загадочный град Китеж.

В тот год я познакомился с подругой второй жены М.А. Булгакова. Это произошло ранним летом, в июне, но по порядку...

А началось всё в редакции молодёжного журнала, в вы-

сотном здании которое взметнулось у Бутырской. Стояло лето – июнь или июль конца 80-х годов. Я зашёл в отдел прозы и увидел блондинку лет 18–20. О чём-то мы разговорились – не помню, но в какой-то момент девушка вдруг сказала:

– Я дружу с Любовью Евгеньевной Белозерской – второй женой Михаила Афанасьевича Булгакова. Женщина она необыкновенная, в чём-то фантастичная... – И далее поведала невероятное: – Михаил Афанасьевич умер не своей смертью, его погубила средневековая аптека, а проще говоря, метко названный народной молвой ещё двести лет назад «наследственный порошок». То ли это была аква-тоффана (мышьяк), то ли – сулема...

Ира познакомила меня с Любовью Евгеньевной Белозерской, а та передала мне на память локон волос Булгакова, а я договорился с физиками-ядерщиками из государственного научного центра (ГНЦ) о проведении тест-исследований с помощью нейтронно-активационного метода. Снятие характеристик, их анализ, совместно с хронологией течения болезни Булгакова – всё это дало бы чёткий ответ: был ли отравлен великий русский писатель, а слухи или недомолвки оказались бы просто досужими вымыслами. Иными словами, удалось бы фактически доказать преступление века, когда в сентябрьский приезд в Ленинград в 1939 году писателя и драматурга Булгакова настигли препараты из средневековой аптеки в том самом любимившимся Булгакову «чудесном номере 430» (мансардная комната) гостиницы «Ас-

тория». Отсюда есть-пошла болезнь великого русского писателя, которая и завершилась через полгода смертью.

Далее, занимаясь расследованием тайны смерти писателя, я наткнулся на исследование профессора медицины Леонида Ивановича Дворецкого. Судя по обширному эпикризу Михаилу Афанасьевичу Булгакову, с едой и питьем ему дозировано вводились лекарственные препараты, приведшие к хронической почечной недостаточности (ХИН) и, наконец, к уремии – отравлению организма и смерти. Причём, тот круг потенциальных вельможных персон, кто выдал «ордер на убийство» и ритуально уничтожал писателя, не ограничился одним человеком. Сразу скажем: Сталин тут ни при чём. Здесь наверняка сработала система в лице коллективного «Сальери», который и оплодотворил её величество власть предержавшую в одном и главном: Булгаков матёрый враг советской власти, а с такими разговор короток: их уничтожают...

Не лежит у меня душа к семейной идиллии, наверное, я вечный странник или нечаевский полуволок-полусобака («Баллада о полу-волке» – повесть В. Нечаева). Не так давно с моей немецкой женой Соней Шерманн я побывал на Телецком озере в Алтайском крае. Не буду рассказывать о том, что это было нечто невообразимое, о чём просто ни словом сказать, ни пером описать – всё в умолчании. Ну, а по возвращению из Сибири моя супруга откочевала к себе в Гер-

манию, в Берлин, а я остался в Москве. Мы разъединились с оговоркой, что скоро встретимся вновь и выберем, наконец-то, где будем жить: в России или Германии; а может и там, и здесь.

Короче говоря, я вынужден был признаться самому себе, что всего дороже мне личная свобода и одиночество. Заставьте меня выбирать между семейными узами – несвободой и вольницей хиппи – и я, не раздумывая, шагну за дверь, чтобы жизнь по-цыгански; выражение «нон-стоп!» стало моим кредом. Особенно, если перед этим вы принудите меня выслушать массу чепухи о том, как мне следует поступать «для моей же пользы».

Женщины, любят забивать себе голову всяким вздором, выживая его из разнообразных дамских гламурных журналов. Да, в этом я крепко убежден. Проверено лично мной. Я и сам строчил для таких же подобные статейки. Хотя, надо сказать, этой чепухой я баловался так, между делом. Я ведь довольно долго сочинял научно-популярные статьи по медицине – про стрессы, влияние запахов и то, что любовь приходит к нам... через нос, благодаря обонянию, а также о загадках геопатогенных зон, шаровых молниях и НЛО, загадках Бермудского треугольника, тайнах «Чернобыля» для популярного московского журнала «Чудеса вокруг света». Я переключился на этот спектр безобидных тем с того момента, когда осознал, что не может журналист заниматься политикой и выдавать при этом честные, откровенные материа-

лы. Потому что в политике ангажированность стопроцентная. Зато как репортер, специализирующийся на тайнах, загадках и мистификациях, я получал возможность колесить не только от Москвы до Санкт-Петербурга, но и совершать вояжи в ближнее и дальнее зарубежье.

В Питер я отправился по личной просьбе моего шефа. Целью командировки было осветить работу научной конференции по проблемам стресса. Как-то утром шеф пригласил меня к себе в кабинет и заявил, что «с тех пор, как нашими читателями стали депутаты ГосДумы и Федерального собрания, мы обязаны прилагать все усилия для того, чтобы помочь нашему журналу «удержаться на плаву в бурном море коммерции». Страсть главного редактора к взаимоисключающим метафорам могла соперничать лишь с его любимыми разглагольствованиями на тему: «Что требуется подать вкусенького нашим читателям». Я, впрочем, знал подоплеку разговора. Шеф, посылая меня в Питер проветриться, втайне надеялся, что я там раздобуду кое-какую сенсационную информацию по интересующей не только его, но и большинство наших читателей теме, что естественно подхлестнёт рейтинг журнала и облегчит ему жизнь. Дело именно так и обстояло, иначе он никогда бы не раскошелился на авиабилет в Питер для своего подчиненного. Наш главный не отличался щедростью, был скуп на дела и слова благодарности...

Я пришел в журналистику после того, как уволился из

«конторы», а проще говоря, с работы правительственного агента в европейских странах. Служил под прикрытием посольств. За годы службы я принял участие в разных спецпроектах и операциях – в Германии, Австрии, Франции и даже в Мексике, вернее – Месоамерике. Так что теперь, пожалуй, как никто другой, знаю, какой смысл закладывался в выражение «цель оправдывает средства». На протяжении долгих двадцати лет я был и спецагентом, и советником, и военным атташе под «зонтиком» дипмиссии посольства. Я верил, что отстаиваю интересы СССР, затем России, борясь против ее врагов. За годы службы был много раз отмечен благодарностями в приказах, денежными и иными подарками. Если бы об этом узнали мои коллеги, то я был бы в их глазах настоящим героем. Но я-то знаю истинную себе цену...

Что касается журналистских опусов, я занялся ими около пяти лет назад, когда оставил службу в «конторе». На то были причины. Будучи в Германии, я более всего опасался своих нежели традиционных наших врагов из СИС(Англия), ЦРУ(США), БНД(ФРГ) и других спецслужб. В какой-то период мне пришлось даже залечь на дно и прожить в Германии более семи лет. Я женился на добропорядочной фройляйн из Дойче банка, стал преуспевающим бюргером и по сути сохранил себе жизнь. А когда на родине всё пришло в норму и в соответствие с его величеством законом, то вернулся в новую Россию, осенённую трёхцветным российским флагом.

В России я устроился в научно-популярный журнал и ушёл с головой в написание статей, редактирование опусов авторов, где излагались различные туманные методики, связанные с веществом, оставшимся после посадки и взлёта НЛО, которое излечивало от безнадёжных болезней: от злокачественных новообразований до психических недугов. Я поклялся сидеть в своём гнёздышке – однокомнатной квартире на ВДНХ тихо, как мышка, и не высовываться, и скоро наловчился стряпать собственные фирменные журналистские блюда, украшая каждый шедевр завлекательным названием типа «СПИД: болезнь или надувательство и как не стать его жертвой?», «Чем пахнет стресс», «Любовь приходит через...нос» и обильно приправляя тексты цветными иллюстрациями, которым позавидовали бы немецкие журналы «Фокус», «Штерн» или «Бильд».

Я взял себя в руки, памятуя о том, что был и остаюсь крепким мужчиной; и по старой профессиональной привычке приказал себе не вешать нос ни при каких обстоятельствах. Но некое дурное предчувствие точно червь точило не только мою душу, но и моё реальное нутро с жарко бьющимся сердцем.

Итак, когда я занялся научно-популярной тематикой, былые тучи над моей головой потихоньку рассеялись. Главное, что обо мне просто забыли, а моя лихая жизнь под знаком СВР (служба внешней разведки) покрылась пылью забвения. Но надо признать, что и такое, на первый взгляд, безобид-

ное дело, как сочинение научно-популярных статей по медицине, имеет, так сказать, оборотную сторону медали. Любой ваш собеседник норовил выжать из вас наинovouейшую информацию, еще не ставшую достоянием широкой публики. Как, например, избавиться от хандры или поскорее залечить ушибленный на корте локоть? Как остановить старение или понизить уровень холестерина в крови? И так далее, и тому подобное.

Мой главный редактор не был исключением, также как и читающая журнал публика: он был взят в плен острозаметной тематикой своего издания. А тут в Санкт-Петербурге должен был состояться международный симпозиум, на который предполагали съехаться медицинские светила и специалисты. Какова была тема конференции? Стресс. А это формат нашего журнала, как любил говорить главный редактор. Значит, и весь остальной мир жаждал ознакомиться с материалами конференции. И мне была оказана великая честь – поведать миру о методах лечения, снимающих стресс.

И вот я в Санкт-Петербурге, городе моей юности, Альма Матер и всё такое... Питер, как мы его называли а вернее его исторический центр, оставался точно таким же, каким я его запомнил до переворота 1991-го, когда рухнул СССР. Той весной на каждом углу рекламировалось и продавалось американское мороженое «Баскин Роббинс», а сеть магазинов фирмы «Бенетон» гостеприимно распахнули свои двери. И заокеанское мороженое, и «Бенетон» прекрасно впи-

сывались в неизменяемую веками фактуру Питера, города, в котором, как казалось мне, не было ничего уникального, ничего особенного, выбивающегося из привычного ряда и способного бросить вызов тому шаблону, который принят у среднего сословия и который стал пробирным клеймом для всякого столичного парадиза. В Москве вы чувствуете себя в полном порядке до тех пор, пока у вас на ногах неизношенная пара добротных и дорогих туфель от «Гуччи». И ещё. Куда бы вы ни направлялись, рано или поздно оказывались у лотка с заокеанским лакомством от «Баскин-Роббинс». Хотя, мне всегда нравилось наше ленинградское мороженое, которое на протяжении многих десятилетий традиционно держало свою марку.

Поселился я в гостинице «Англетер» недалеко от Исакиевского собора.

О конференции. Она проходила с оттенком сенсационности, называясь не иначе, как «Волшебный мир запахов». Тогда не только научная, но и далёкая от мира исследователей общественность только и судачила о феромонах и тестостеронах. Так что открывающийся форум в северной столице, как будто хотел зацепить каждого из присутствующих новыми открытиями учёных и практическими результатами парфюмеров.

Устроители форума постарались на славу! Начиная с открытия в Таврическом дворце, когда на сцену вышел известный актёр из БДТ и, поправив бабочку, заговорил приятным

баритоном, вещая аудитории словно гипнотизёр:

– С ветхозаветных времен было известно, что запахи оказывают сильное физиологическое воздействие не только на человека, но и на все живое на нашей планете. В Древнем Египте, Ассирии, Римской империи и Элладе храмы, дворцы и дома окуривались благовониями и орошались ароматическими водами. Подобные традиции просматриваются и в храмах и в современных религиозных конфессиях.

Такие душистые вещества, как мятные, розовые, бергамотные либо лимонные благовонные масла могли изменить пульс сердца, ритм дыхания, повлиять на зрение, слух и в итоге на самочувствие человека.

Если приятные ароматы действовали успокаивающе, то неприятные, отталкивающие запахи повышают кровяное давление, учащают пульс.

Человек способен воспринять более 10 тысяч запахов. В восприятии ароматов есть и свои «бездарности», которым «медведь на нос наступил» и даже «гении». Большое внимание любителей беллетристики всё еще привлекал нашумевший роман «Парфюмер. История одного убийцы» Патрика Зюскинда. Хотя, речь в нем идет не о современности, а о средневековой Европе. И не о парфюме, как таковом, а о человеке, почему-то родившемся без запаха, присущего людским детенышам. Такая особенность героя как бы компенсируется чрезвычайной способностью героя улавливать, различать ароматы и в результате комбинировать удивитель-

ные составы... На любого человека действуют свои аттрактанты (привлекающие вещества) и репелленты (отталкивающие вещества). Одни действовали строго индивидуально, на конкретного человека, другие же обладали многовекторным, или общим началом. С помощью феромонов, которые продуцировали живыми существами летучие вещества, определенным образом влияющие на другие, можно сделать очень многое: в плане воздействия на человека или животных. Например, в сельском хозяйстве феромоны использовали в борьбе с вредными насекомыми, а аттрактанты – при искусственном оплодотворении.

Многие ученые, занимаясь исследованием феромонных каналов связи, а в особенности механизмом воздействия запахов на человека, пришли к выводу: оказывается, можно создавать такие вещества, которые заставляли бы нас больше трудиться, покупать то, что нам не нужно, а по тем или иным «ароматам» человека следить за его здоровьем и выявлять недуги. И – надо отдать должное – вплотную подступили к тайне из тайн, глобальной проблеме, из глубины седых веков волнующих человечество – необъяснимому феномену любви. Дело в том, что изучение этой чрезвычайно важной сферы знаний объяснялось трудностями объективизации наблюдений. Тем более, у тех же животных запахи – чуть ли не главный язык общения, поведения и жизнедеятельности.

На первый взгляд технологическая цепочка в процессе обоняния до удивления проста. Одорант попадал в носовую

полость, отсюда от анализатора обоняния сигнал поступал в лимбическую зону головного мозга, в так называемый эмоциональный мозг или древний мозг – мозг рептилий...

Конференция оказалась довольно интересной. Антураж, конечно, соответствовал программе, но за ним легко угадывалась попытка организаторов навязать прибывшим на конференцию медикам – публике, в общем-то достаточно беспринципной – новые лечебные крема со своими аттрактантами (привлекающими веществами) и репеллентами (отталкивающими веществами) из чисто коммерческих соображений. Едва ли каждого делегата в первую очередь волновало, как он выглядел в глазах коллег, какое впечатление производил. При таком подходе к делу форма стекол очков был куда более значима, нежели вопросы природы и лечение стресса. Не говоря уже о других научных проблемах. Впрочем, допускаю, что в оценке конференции и её участников я высказал «недоброжелательность», как говорили интеллигентные люди. Я знаю, что частенько бываю недоброжелателен к согражданам, но до какой степени, выяснилось через пару дней.

Первые трое суток я старательно изображал из себя приличного человека. Днём слушал доклады, то есть дремал под монотонные разглагольствования докладчиков. По вечерам валялся в гостиничном номере, смотрел в огромных количествах фильмы. И пачками поглощал картошку фри, хотя как заметило одно из светил медицинских наук: этот продукт со

временем вредил детородным функциям мужчин и женщин, делая их бесплодными...

В этот вечер я повёл себя так, как будто готовился пойти в театр. Принял душ, побрился второй раз и обильно полил распаренную кожу крепким одеколоном. И подошёл к зеркалу. То, что я увидел в зеркале ванной комнаты, расстроило меня. Располневшее лицо, брыли, дряблые мышцы рук и ног, теряющие на глазах эластичность... Я дал себе слово, что по возвращению в Москву сразу же начну работать с гантелями в спортзале.

Надев свежую рубашку, я спустился в ресторан отеля.

Публики было немного. В дальнем углу за маленьким столом сидел и ужинал в одиночестве мужчина, чьё лицо было мне знакомо. Я встречал его в конференц-зале и даже однажды слышал случайно, как он в перерыве между докладами на очередном кофе-брейке (перерыв за чашкой кофе), что-то с азартом доказывал одному из делегатов. Я внимательно присмотрелся к нему. Это был мужчина выше среднего роста, плотный с животиком; в его походке, жестах и интонациях угадывался человек военный. У него был резковатый, как у военного голос.

– Эдуард Александрович Хлысталов, – представился он. – Отдел по связям с общественностью или ЦОС, а тружусь в той самой корпорации, которая являлась спонсором конференции.

Когда я вошел в зал, он поднял голову и встретил меня

вежливой улыбкой пресс-секретаря. Выпитая в номере водка, этот чёртов червь, оживший после пары рюмок не то у меня в душе, не то где-то под ложечкой, и грустная перспектива провести очередной бежевый вечерок в одиночестве буквально погнали меня к тому столику в дальнем углу. Все остальное было просто делом техники.

Я представился и поинтересовался, какого мнения он от питерской кухни, и осведомился, не будет ли он против, если я присяду за его столик. Он отложил в сторону книжку в мягкой дешевой обложке, и, одарив меня благосклонной улыбкой, сделал приглашающий жест. Я заказал бутылку «Хванчкары», мы растянули её на пару часов и отправили официанта за следующей. Эдуард огорошил меня тем, чего я не знал в достаточной степени, а именно: про загадочную смерть Сергея Есенина именно здесь в «Англетере».

– Всем хорошо известна беломраморная доска на стене гостиницы, менявшей не раз свое название. Она гласит о том, что здесь 28 декабря 1925 года трагически оборвалась жизнь поэта, – рассказал он. – Все верно, кроме одного – здесь был убит Есенин, а не покончил с собой, как повествовала официальная версия.

Он пытливо посмотрел мне в глаза и добавил:

– Я работал следователем на Петровке, 38. Полковник МВД СССР. И решил сам провести дознание этого дела.

– И какие же выводы?

– Выводы самые трагические: Есенин был убит. Кстати,

мы можем посетить тот самый гостиничный номер № 5, где это произошло. Тем более, что вы остановились в «Англетере».

Мы прошли к парадному входу в гостиницу, раскланялись с дежурной и поднялись на второй этаж.

– Вот и нужный нам номер.

Мы постучали. Нам открыл дверь молодой мужчина, одетый в майку, тренировочные штаны и кроссовки. Мы объяснили цель визита. И Эдуард продолжил рассказ:

– Здесь был двухкомнатный номер. Сейчас – две комнаты на четыре места. На этом стояке центрального отопления Есенина и обнаружили утром 28 декабря, а вселился поэт сюда четыре дня назад, как приехал из Москвы.

Затем мы переместились в бар (шесть порций шотландского виски не показались перебором), а затем попрощались и я вернулся в свой номер.

Рассказанное потрясло меня. Я долго лежал с открытыми глазами и смотрел в окно. Время от времени темную комнату озаряли вспышки красного и голубого света, проникавшего через окно. Заснуть я не мог. Я должен был куда-нибудь уйти. Захватив с собой ключ от номера, чуть ли не бегом пересек холл и, не дожидаясь лифта, бросился вниз по лестнице. Я почти летел, перепрыгивая через три ступеньки. Выскочил на улицу.

Я бродил по городу без усталости, бродил, не осознавая, где нахожусь и куда направляюсь. Через несколько часов небо

на востоке начало светлеть. На тротуарах появились первые прохожие – рабочий люд в серых безликих одеждах, потом молодые люди – парни и девушки и наконец, заспешили на службу важные клерки в рубашках и галстуках.

Я поймал такси и отправился назад в отель, раздумывая об увиденном калейдоскопе дня и ночи, чётко припоминая услышанное – слова и фразы.

Я отпер дверь гостиничного номера, постель была убрана с той тщательностью, с какой добросовестные секретарши вылизывают своё рабочее место. Я взялся было за телефонную трубку, но тут же опустил ее. Уселся в кресло, устался в окно и просидел так, наверное, с полчаса. Затем позвонил вниз и заказал крепкий кофе. Когда мне принесли его, я выпил целый кофейник. И вновь принял душ. Несмотря на похмельный синдром и бессонную ночь, желания заснуть не было, что называется, ни в одном глазу.

О том, чтобы идти на конференцию, и речи быть не могло.

Я созвонился с Эдуардом Хлысталовым, он сказал, что у него есть для меня сюрприз: есть возможность посетить гостиницу «Астория, где с 1934 года писатель Михаил Афанасьевич Булгаков не раз останавливался в № 430.

С фешенебельной, в известном смысле «номеклатурной» гостиницей «Астория» был связан целый «сюжет» булгаковской биографии. Но в истории этой чего-то не доставало, как говорит булгаковед Всеволод Сахаров. Мы имели явно ироническое описание роскошного номера «люкс» в «Мастере и

Маргарите», но мало что знали о будничной жизни писателя Булгакова в гораздо скромной мансардной комнате «Астория».

Посвящение в литературу

*«Кто ты, зельями ночными
Оповишая меня?
Кто ты, Женственное Имя
В нимбе красного огня?»*

А.Блок

Пару дней спустя на Ладожском вокзале я вошёл в салон ослепительно-белого «Сапсана», как будто поднялся на борт самолета, и отправился из Питера в Москву. Меня мучила мигрень; прежде я не подозревал, что боль может достигать такой силы. А всё из-за санкт-петербургского кофе (я его выпил чересчур много) и не дававшего мне заснуть рассказа полковника с Петровки 38 – Эдуарда Хлысталова, который взбудоражил меня. Ничего подобного о гибели поэта Сергея Есенина я не знал, а уж про неожиданную смерть великого писателя Михаила Булгакова на 49-ом году жизни и подумать не мог.

Всю дорогу до Москвы я только и размышлял о том, что рассказал мне полковник. Когда мы прощались, то обменялись визитками и договорились встретиться в Москве.

Но самое поразительное было в том, что Хлысталов всучил мне после закрытия конференции два пакета с документами, письмами и бумагами, назвав их «булгаковскими». Я

так и не открывал бандероль с неизвестными мне артефактами. Сверток был для меня чем-то вроде амулета на счастье. Я не выпускал его из рук и, следуя наставлениям Хлысталова, никому не обмолвился о нем ни словечком. Мало-помалу у меня стало складываться впечатление, что этот манускрипт будет оберегать меня от напастей – правда, каких, неизвестно – до той поры, пока я держу его при себе и не открываю.

Именно тогда я впервые подметил за собой склонность к мистико-эзотерическому мышлению – это было новоприобретенное свойство моей натуры (всю жизнь я полагал, что подобные вещи чужды, и даже противны мне). С тех пор я начал анализировать свои эмоции и поступки, наблюдая за собой как бы отстранённо. Однако я отдавал себе отчет в том, что другое моё «я» ищет утешения, своеобразной тихой пристани, блуждая в виртуальных лабиринтах моего сознания.

Путешествие назад в Москву было крайне бедно на события. Отмечу лишь два не связанных между собой происшествия.

В экспрессе я решил послушать музыку в надежде, что это хоть немного уменьшит головную боль. Надел наушники и принялся искать подходящую программу. Сначала попал на передачу для детей, а оттуда на классическую музыку, где голос ведущего (английский язык с французским акцентом) предложил слушателям попурри из произведений Чайковского.

Я прикрыл глаза. Волны музыки затопили мозг. Вместо того чтобы следовать, как положено, одна за другой, темы и мелодии устроили настоящую битву, сражаясь за место в моей голове. Едва начинала звучать очередная, как предыдущая возвращалась и с яростью набрасывалась на соперницу, пытаясь столкнуть ее с тропы. И тут же возникала новая тема, оттесняя две другие. Мои мысли, точно дети соперничают между собой, завоевывая внимание к себе. Действо имело и изобразительный ряд – перед моим мысленным взором представляли скульптуры, изваянные из камня и отлитые в бронзе. Я видел изображения олимпийских богов, бюсты неизвестных мне мужчин, статуи женщин. Там были скорбные лики мучеников и пышущие весельем физиономии эпикурейцев, лица погруженных в раздумья философов и лица разъяренных битвой воинов. Все они попадали в поле моего зрения, проносились сквозь него, падали и взлетали под разными углами, порождая хаос, в то время как сражающиеся звуки сплетались в моем мозгу в некую фантаσμαгорическую иллюстрацию этого хаоса.

Второе событие произошло в помещениях Ленинградского вокзала.

И тут я разглядел его. Он был с длинным «лошадиным» лицом, бледен, с рыхлой кожей человека неопределенного возраста. И еще я отметил, что он как-то странно одет – слишком много всего на него было напялено. Конечно, каждый волен носить, что ему заблагорассудится, но есть же по-

нятие здравого смысла.

Проведя значительную часть жизни в переполненных аэропортах или железнодорожных вокзалах и отстояв свое в очередях, я научился не обращать внимания на окружающих, даже если они дышат прямо в затылок. Но здесь был другой случай. Его присутствие выводило меня из себя, как, наверное, выводит вас из себя – даже если вы не являетесь закоренелым кошконенавистником – кошка вашего друга, которая во что бы то ни стало хочет потерять спинку именно о ваш стул. Во-первых, мне бросилось в глаза, что человек в чёрном не был обременен никакой кладью, тогда как у любого из нас в руках был чемодан, сумка или хотя бы портфель. Во-вторых, несмотря на жару и давку, он не выказывал никаких признаков беспокойства. Он был олимпийски спокоен и невозмутим.

Словно из ниоткуда появился этот странный субъект. Неожиданно я очутился лицом к лицу с человеком в чёрном. Наши взгляды встретились. Мои глаза налились кровью. А у него глаза были узкие-узкие, я таких в жизни не видел. Ну прямо щелочки. Вдобавок к этому – очки с такими толстыми стеклами, что, если только не смотреть на него в упор, кажется, будто у него отсутствует кусок щеки. Он улыбнулся мне холодно, но не без фамильярности. В данной ситуации эта улыбка была совершенно неуместна. Затем, указав на сверток, который я крепко прижимал под мышкой, он произнес с сильным акцентом, выдававшим его прибалтийское проис-

хождение:

– Артефакты?

– Эпистолярный жанр. Переписка моей бабушки с другой бабушкой, – с тихой ненавистью ответил я.

– Прибыли издалека?

– Из Северной Пальмиры, – бросил я.

– Вот и я тоже, – кивнул он и, кажется, сыронизировал: –

А я из Пальмиры, из Сирии.

Минуты две тот молчал, а потом вновь заговорил:

– Мы знаем, что документы у вас.

Я сделал вид, что не расслышал его слов. Он продолжал:

– Я собираю книги. Книги иллюминатов и разные эзотерические пассажи.

– Ну-ну, – буркнул я.

– Быть может, вам попадались такие? – спросил он.

– Нет, – сказал я.

– Вы вообще читаете что-нибудь?

– Нет. Ничего, кроме триллеров, – отрезал я.

– Да-да, конечно, – кивнул он. – Все правильно. Я тоже предпочитаю иметь дело только со знакомыми источниками.

Общение с узкоглазым очкариком взбесило меня в буквальном смысле слова. Таскать под мышкой насквозь пропыленную рухлядь – и то приятнее. Я одарил очкарика одним из своих самых убойных взглядов. Но он не дрогнул.

– Вы случайно не знакомы с Булгаковым? – не унимался тот.

Медленно, боясь всколыхнуть ярость, я повернулся к очкарику спиной.

Когда я позволил себе обернуться, бросить, так сказать, прощальный взгляд на своего недавнего собеседника, которого едва не убил в запале. Но его и след простыл. Я внимательно всмотрелся в цепочку сердитых пассажиров, но так и не обнаружил своего очкарика. Это меня настолько удивило, что я тут же обратился к шедшему за мной толстому парнише, выряженному в дурацкие шорты:

– Куда, черт побери, подевался тот тип в черном пальто?

– В черном пальто? – переспросил парниша, он обошёл меня и устремился к свободному в тот момент проходу – Пропал куда-то...

Домой, в свой полуподвал на ВДНХ, я добрался только к полуночи и обнаружил, что стены ванной покрылись каким-то новым, неизвестным мне видом грибка. Обычно тлетворный запах плесени вызывает у меня отвращение, но сейчас получилось наоборот. Он почти успокоил мои взвинченные нервы. Я снова был в привычной обстановке и сразу почувствовал себя в безопасности. Возникло ощущение, что, в сущности, ничего не изменилось и не должно измениться: как бы ни была несовершенна моя жизнь, ей и дальше течь в том же русле. Я распаковал вещи, зашвырнул свою многострадальную черную дорожную сумку в шкаф и решил взглянуть на подарок Хлысталова: что, если он улетучился или еще что-нибудь в этом роде? Нет, раздражающе яркий

темно-красный сверток лежал именно там, куда я его бросил. Будучи в ясном уме, полностью отдавая себе отчет в своих действиях, я выдвинул нижний ящик моего старого, потрескавшегося письменного стола, сунул туда увесистый свёрток, задвинул ящик и запер на ключ. Затем стал просматривать почту. Несколько просроченных счетов; письмо, похожее на бандероль; изящное, роскошно оформленное, украшенное гравировкой приглашение одного тщеславного предпринимателя посетить его завод, начинающий производить новый тип ортопедической обуви, причём процедура сканирования ступни занимала 30 секунд, как было заявлено в листе прессконтроля, где утверждалось, что запуск этой технологии является «прорывом в ортопедии будущего»; письмо из небольшого городка под Москвой, в котором моя экс-жена весьма доходчиво, хотя и в совершенно невыносимых выражениях, объясняла, что ей требуются дополнительные средства на оплату коммунальных платежей и обучения детей. И я проклял себя, наверное, в сотый раз за то, что однажды решил, что смогу поддерживать материально своих живущих в Подмосковье двоих детей и бывшую жену на те жалкие гроши, что получаю в Москве, и всерьез задумался: а не вернуться ли мне на малую родину— Германию, в край изобилия? К своей немецкой жене Соне Шерманн, которая словно Пенелопа ждёт меня уже второй год... Немного поразмышляв над этим, решил отложить решение вопроса на потом, скинул почту и прочий мусор на пол, между стеной и пылесосом, и

завалился спать.

Спал я очень беспокойно. В три часа ночи проснулся и вспомнил только что виденный сон: мраморные бюсты и статуи – изумительные по красоте произведения искусства – и аккорды волшебной музыки. Сон удивил меня. Во-первых, потому что я, вообще-то, крайне редко вижу сны. Во-вторых, потому что видения в точности повторяли калейдоскоп картин, пригрезившихся мне в сверхскоростном «Сапсане». И в-третьих, потому что это был один из тех снов, что перемешаны с действительностью. Моя комната, с пропитавшим ее запахом гнили и сырости, предстала передо мной в качестве мавзолея, где все эти ирреальные, закованные в бронзу создания (которые, впрочем, возможно, когда-то существовали в действительности), находили свое отражение в полифонии звуков.

Спать мне больше не хотелось. В голову лезли всякие бредовые мысли. Например, такая: немедленно встать и отправиться бродить по улицам Москвы... Попытался читать, но вскоре бросил это занятие. В полшестого, после двухчасового спора с самим собой – спать или не спать, а если спать, то как уснуть? – я поднялся, пошел на кухню и, словно себе назло (мигрень понемногу начинала терзать мою голову), приготовил огромную чашку крепчайшего кофе.

И вот я будто сомнамбула в семь тридцать утра появился на работе. Кроме меня в этот час здесь находилась только уборщица. Воздух в редакции был пропитан запахом её си-

гарет, кажется «Кисс» с клубничным ароматом. Не особенно вникая в суть, я принялся разбирать бумаги, скопившиеся за неделю моего отсутствия. Мне было приятно снова очутиться здесь в таком привычном для меня мире «застеколья» с выгородками для столов и телефонов и компьютеров. Этот мир был моим на протяжении почти двух лет. Однако после моего возвращения из Питера он показался мне плоским, декартовым, – состоящим из двух координат, как застывшая на экране картинка. Его можно было разглядывать, изучать, в нём можно было даже существовать какое-то время, но не жить. Начинала мучить клаустрофобия, хотелось бежать куда глаза глядят. Не было в этом мирке ни привлекательности, ни внутренней энергетики. Теперь это пространство разваливалось на составляющие фрагменты, а моя жизнь обесцветилась и стала пустой.

Я взялся за телефон, набрал пару цифр, но тут сообразил, что никто из моих знакомых не просыпается в такую рань. Положил трубку и принялся за сочинение статьи. Предстояло выдумать забойный материал о поездке на конференцию. И меня осенило «Чем пахнет стресс» – лучше и не придумать!..

Работалось легко, словно я переписывал уже готовый материал. И тон был взят верный – убедительный, авторитетный. Именно так нужно разговаривать с читателями. Если заместитель редактора подберет к моему журнальному опусу удачную иллюстрацию, журнал пойдет нарасхват. Вот что

удивительно: ожидал, что буду каждое слово рожать в муках, а тут на тебе, идет как по маслу. Как будто кто-то диктует мне фразы – только успевай записывать! Тем временем мои мысли были заняты статуями из недавнего сна, а в левом ухе что-то жужжало. Я счел это жужжание последствием мигрени.

В три часа дня я вышел из редакции и двинулся по Тверскому бульвару по направлению к консерватории. Город кишел туристами: тут были японцы, увешанные фото- и киноаппаратурой— все в очках и с улыбкой во весь рот), громкие американцы, аккуратные немцы, говорившие на чудесном немецком языке. Вынырнув из толпы, я свернул на узкую улочку старомосковских домов. Вскоре она привела меня на крошечную площадь, посреди которой три вороны шумно расправлялось с поживкой – погибшим голубем или куском требухи из контейнера с отходами. Странно, но в такой час площадь была пуста – ни людей, ни машин. И тишина. Только возня пирующего воронья. Я стоял на площади и смотрел на птиц так же отрешенно, как воспринимал образы, возникшие в моем сне, с которыми вроде бы и не входил в непосредственный контакт, но которые, без сомнения, излучали свет некой «другой» реальности.

Мне вдруг стало не по себе. Тот мир, с которым я столкнулся сейчас, был для меня страшнее всех других, ибо я не знал его законов и чувствовал себя в нем совершенно беспомощным.

И я заторопился. Через «Манежку» я прошел к Храму Христа Спасителя, оттуда – на другую сторону Москва-реки. После встречи с вороньем мое сознание находилось в каком-то заторможенном состоянии. Я почти ничего не замечал на пути. Спустился по лестнице в свой полуподвал и поймал себя на мысли, что добрался домой не совсем по своей воле. Вошел в квартиру и, открыв холодильник, нашел там только банку испорченных бычков в томате и заплесневевший батон, остававшиеся еще со времени моего отъезда в Санкт-Петербург. Я выбросил испорченные продукты и пожалел, что по дороге не прихватил хоть какой-нибудь еды. Сварил себе чашку кофе, принес ее в гостиную и включил телевизор.

Шла программа новостей. Жизнерадостная тележурналистка поведала нам о том, что Греция заявила об отказе платить проценты по долгам. В связи с этим в Страсбурге собрались на специальное совещание аналитики. Их задача – решить принеприятнейшую греческую проблему.

Я выключил телевизор и принялся мерить шагами комнату.

Затем уселся за стол, намереваясь разобраться с пачкой счетов, что накопилась за неделю. Но не сумел заставить себя заниматься домашней бухгалтерией. Вместо этого совершенно бессознательно выдвинул ящик стола и достал книгу: «М.Булгаков. Письма».

И в эту ночь я спал мало. Зато выпил много кофе. Кстати,

сделал открытие: кофе куда вкуснее, если добавить немного коньяку, желательно «Хенесси». Поднялся я рано, но чувствовал себя молодцом. И опять оказался в офисе ни свет ни заря. А ведь любой мало-мальски уважающий себя журналист скорее застрелится, нежели признается приятелям, гуляющим, к примеру, в ресторане «Сандал» на Чистых прудах, в том, что является на работу в несусветную рань.

Днем на моем рабочем столе зазвонил телефон. Секретарша шефа спросила, не могу ли я зайти к нему. Я решил, что шеф собирался перекинуться парой слов о моей командировке в Питер.

Когда я переступил порог его кабинета, главный редактор стоял возле своего роскошного дубового стола. У него был вид стервятника, которому очень долго не перепал вожделенный кусочек падали, отчего у хищника сдали нервы.

– Садитесь, – сказал шеф.

Я сел.

– Как съездили в Питер?

– Нормально, – ответил я. – Вы читали мой материал?

– Да. Прекрасная статья. Правда, превосходная, – сказал шеф-редактор. И добавил: – У нас с вами всегда были хорошие отношения.

Я кивнул.

– И я всегда относился к вам справедливо. Согласны?

– Согласен, – подтвердил я.

– Вам известно, что мы всегда высоко ценили вас никак

работника.

– Да, – подтвердил я. – Наверное, потому я до сих пор и нахожусь здесь.

– Правильно.

Он выдержал паузу, повернувшись ко мне спиной и что-то разглядывая за окном. Потом вновь посмотрел на меня.

– Вы знаете, выпускать научно-популярный журнал плюс хорошо иллюстрированный – дело тонкое, – произнес шеф, перекладывая кипу газет с одного угла стола на другой. – Я прагматик и полагаю так: или ты умудряешься вести дело, несмотря на то, что на тебя жмут со всех сторон, в противном случае ты сходишь со сцены и отправляешься выращивать картошку куда-нибудь в Брянск.

Я промолчал.

– Я держусь, как непотопляемая АПЛ (атомная подводная лодка), – сказал редактор и вновь сделал паузу. – Проблема в том, что приходится угождать всем. Чтобы сохранить наш корабль на плаву, надо два условия: публике было бы интересно читать, а сам журнал – коммерчески выгоден. И чтобы у хозяев не вызвать раздражение, – ведь они оплачивают все счета и дают вам гарантию не вылететь назавтра на улицу без штанов.

– Понимаю, шеф, – кивнул я. – Ну и адова у вас работёнка.

– Знаете, Рудольф, – сказал редактор, – иногда случается, что на одной чаше весов – интересы читающего народа, а на другой – интересы хозяев.

Тогда приходится идти на компромиссы. Иначе всё пойдём на дно. Не считите меня любителем компромиссов. Ну, вы понимаете... Но я реалист. А хочешь жить – умей вертеться.

Я никак не мог сообразить, к чему он клонит. И, по мере того как он развивал свою мысль, я все больше и больше убеждался в том, что мне глубоко безразлично, какой оборот примет наша беседа.

– Да, – поддакнул я начальнику.

– Ну так вот, – продолжал редактор, – позвольте мне высказаться начистоту. Не знаю, во что вы там впутались, да и знать не желаю. Ваша политическая деятельность – ваше личное дело, Рудольф. С кем вы сейчас: с левыми, с правыми или с либерал-демократами – мне всё равно. Хотя я полагал, что с политикой вы давно покончили. Повторяю, однако, я не лезу в вашу личную жизнь. Я рад, когда ваши публикации, как и материалы других наших постоянных авторов, попадают в яблочко, становятся явлением общественности. Но я не желаю выслушивать по телефону угрозы в свой адрес. А в том разговоре, Рудольф, упоминалось ваше имя. Угрозы! Они выводят меня из равновесия. А я терпеть не могу, когда меня что-либо выводит из равновесия. Ясно?

– Какие угрозы? – спросил я, стиснул зубы и приготовился слушать редактора самым внимательным образом.

– Неприкрытые, Рудольф, – сказал шеф. – Звонили мне домой. А ведь лишь немногие знают мой домашний номер.

Судя по акценту, говорил американец. Он растягивал слова как истовый янки. «Привет от тех, кого вы знаете», – таким было начало. Я поинтересовался, с кем говорю. Мне ответили: «Это Меркурий. Конечно, такой образованный человек, как вы, помнит, что Меркурий – посланец богов, так?» – «Чего вы хотите? И откуда вам известен номер моего телефона?» – спросил я. «Мы хотим, чтобы ваш журналист из медицинской колонки держал свой нос подальше от людей и мест, к которым он не имеет отношения, – Мне ответили. – Иначе однажды поутру он проснется и обнаружит, что носа у него больше нет. Ах да! Забыл добавить. А вы, сэр, останетесь без работы и без журнала».

Шеф замолчал и бросил на меня испытующий взгляд, очевидно, ожидая разъяснений. Я их не дал.

– Объясните же, Рудольф, что происходит? – спросил редактор чуть ли не умоляющим тоном. Я вновь не произнес ни слова.

– Хорошо, ничего не объясняйте. Забудьте о нашем разговоре. Ничего не желаю об этом знать. Но запомните: если собираетесь и дальше работать у нас – а это, безусловно, и мое желание, – извольте действовать, не держа камня за пазухой и выверяя каждый свой шаг.

Боль обожгла затылок, как будто мне плеснули кипятку за воротник.

– Не пойму, что все это значит, – выдавил я. – Какая-то чушь собачья!

– Ладненко. Пусть будет по-вашему, – напрягся редактор. Теперь он избегал смотреть мне прямо в глаза. – Я свое слово сказал.

Я не мог взять в толк, что он имеет в виду, но все это мне кое-что напомнило. Мне уже доводилось слушать подобные намеки, запугивания, почти неприкрытые угрозы. Снизу, прямо из живота, тошнота подкатила к горлу и застряла там комом. Я знал одно: если задержусь в кабинете и мы с шефом продолжим выяснение отношений, то пожалеем об этом оба. Я устал.

Прошло пять лет с тех пор, как я написал свою последнюю статью в немецкую газету «Цайт», и десять – с тех пор, как я развязался с «конторой», которая курировала нелегальные операции в Германии. И все эти годы старался держать язык за зубами. Неужели шеф не догадывался или до него не доходило, отчего я пишу в газете всякую чушь об очередном чудодейственном средстве от рака, который предлагал известный уфолог. И это вместо того чтобы выдать сенсационную статью о том, кто в действительности защищал Белый Дом в Москве в августе 1991 года и для чего этот спектакль нужен был властям. Я задавал себе вопрос: мой шеф – он что, чокнутый или непроходимый тупица? И вдруг я почувствовал, что мои ладони стали холодны как лед, а лоб покрылся испариной.

Редактор взял со стола гранки, поднес к глазам, поглядел на текст, словно видел его впервые, потом положил листы

на место и обратился лицом ко мне. Сейчас мы смотрели друг другу в глаза. Затем он резко встал, и подошёл к окну.

Когда мы прощались, редактор дружески похлопал меня по плечу и неожиданно сказал:

– Я думаю, Рудольф, всё будет отлично. Только не ввязывайте меня в эти инсинуации. Всё это чревато неприятностями. Для меня и для вас.

Я пожал плечами и вышел из кабинета. Вот так закончилась наша странная беседа с редактором. Конструктивное было, пожалуй, одно: шеф неожиданно предложил мне: «Возьмите отпуск – пару недель, отдохните на полную катушку». И я решил: возьму две недели отпуска и разберусь с новыми реалиями, которые привнесла командировка в Питер.

Оказавшись в своей квартире, я неожиданно осознал, что против своей воли очутился в мире своих ночных кошмаров.

Метроном

«Новый на кобыле Едет к миру Спас.

Наша вера – в силе.

Наша правда – в нас!»

С.Есенин

У меня превосходная память. Я могу запоминать по десять книжных страниц. Пять секунд – и в моей памяти запечатлелись сразу две страницы текста.

Тем не менее, о событиях последних дней моя память сохранила скудную информацию. Я оплачивал счета, сочинял ответы родственникам, бывшей жене, покупал еду, необходимые вещи, мыл полы, посуду – но всё это делалось механически. День сменяла ночь, затем приходил новый день, а меня не оставляло странное ощущение ирреальности окружающего мира, которое родилось у меня в первый день по возвращению из Питера, когда я зашёл в редакцию и беседовал с шефом в его кабинете. Казалось, как это бывало со смещением восприятия запахов, у меня в мозгу тоже всё сместилось. Фантазии стали доминировать над действительностью. И я запутался в ощущениях реального и мнимого времени. Очень часто у меня болела голова, причем мигрень мог спровоцировать всякий пустяк: громкий разговор на улице, бой настенных часов, запах сбежавшего кофе в турке.

Я часто смотрел телевизор, но не понимал сюжета: движу-

щиеся картинки и бессмысленные диалоги людей.

Меня колотил озноб, в голове звенел нескончаемый зуммер.

Я выключил телевизор. Мне срочно требовалось выпить. На этот раз я предпочел водку. Попробовал читать газету, но тут же отложил. Что-то преследовало меня, не давало покоя. Ну просто смешно так дергаться, убеждал я себя. Что, собственно, произошло? Ничего. Почти ничего. Ну, повздорили с боссом (правда, я так и не понял из-за чего). Кончилось тем, что я взял отпуск и через несколько недель должен был вернуться на работу. Вот и все, черт побери!

Я походил по комнате, потом плеснул в стакан водки и залпом осушил. О, какое наслаждение, когда в глотке у тебя дивный сухой огонь! Затем собрался было поесть, но, немного поразмыслив, решил: водка настолько классная штука, что не стоит портить впечатление от алкаголя едой. Лучше завалиться на диван и как следует выспаться. У меня были все основания полагать, что хорошая доза водки поможет быстро уснуть.

С тех пор как я вернулся в Москву, я спал очень мало. Ив эту ночь, повидимому, отключился сразу, но через час или два проснулся. Взглянул на часы: было около двух ночи. Последнее время что-то постоянно давило мне на плечи и грудь и тошнило от всего, что бы я не съел или выпил, за исключением водки. Посему я налил себе еще порцию, перебрался в спальню, лег, так и не раздевшись, в разобранную еще со

вчерашней ночи постель и впервые за несколько последних дней тотчас забылся глубоким сном.

Бунт Сатанаила

*«Скажите нам, доктора философии,
что нужно человеку?
По крайней мере, ему требуются четыре вещи...
Уверенность в себе, еда, тепло и любовь».*

Джон Дос Пассос². Большие деньги.

Меня пригласили в писательский городок Переделкино. За мной заехали ровно в полдень на чёрном «Мерседесе». До полудня я успел поспать три часа, затем кое-куда позвонить и отменить две деловые встречи, назначенные на следующую неделю, уложить в сумку бритвенный прибор и нижнее белье, а главное – собрать, склеить развалившееся по частям моё нутро, употребив на то всю свою изобретательность. Пришлось пустить в ход всяческие приспособления и ухищрения – от булавок до жвачки и цементирующей душу смеси коньяка с кофе. В результате появилась надежда, что теперь-то я хоть внешне похож на человека. Подготовившись таким образом, я поставил сумку у порога и, едва раздался звонок, открыл дверь и шагнул навстречу Владу Орлову – помощнику одного состоятельного человека, занимавшего видное место в масонской иерархии и пригласившего меня к

² Дос Пассос Джон (1896–1970) – один из крупнейших писателей США.

себе в переделкинскую резиденцию. Имя его мне ничего не говорило: Гаральд Люстерник³

Я захлопнул за собой дверь и зашагал с моим напарником вниз по лестнице, стараясь дознаться до неминуемого вопроса: для чего меня пригласили на аудиенцию, что стоит за таинственным рандеву?

Но мне так и не удалось узнать цели визита. За все время пути по, казалось бы, нескончаемому центру Москвы – самому беспокойному, но импозантному на свете району, с неизменными рекламами обувных магазинов и аптек по всей трассе, где один квартал не походил на другой, – Влад лишь полюбопытствовал, что я, кажется, немного не в духе, и поинтересовалась, хорошо ли я спал этой ночью. Я отмалчивался.

Влад Орлов без умолку говорил об архитектуре, вспоминая «дачу Сталина» и похожие на неё «дачи» Берии и других кремлёвских руководителей того времени.

Из обрывков беседы я понял одно: моею персоной, кажется, заинтересовались всерьёз и ставки (другой стороной) сделаны немалые. Поездка, которой я ожидал и боялся, похоже, оборачивалась удачей и обещала принести мне неожиданные

³ Гаральд Яковлевич Люстерник, переводчик русской литературы на французский язык, участник французского сопротивления (1939–1945 гг); награждён «Орденом почётного легиона»; жил в Берлине, Лозанне, в конце 30-х годов XX века жил в Москве и Париже; с 1946 года, получив советское подданство, переехал в Москву (имел контакты с анархистами – А.А.Карелиным, тамплиерами и антропософами).

перспективы в моём проекте «Булгаков». Временами я испытывал искреннюю благодарность по отношению к Владу.

Своей лёгкой беседой он избавлял меня от раздумий над природой и симптомами моей проклятой болезни, а также от мыслей о манускрипте, что лежал на дне запертого ящика моего письменного стола.

Через полтора часа мы свернули с трассы на узкую, поросшую травой дорогу, что вела к каменному забору, опоясывающего роскошный сосновый бор, в котором светлели крыши писательских особняков и подсобных строений. Мы подъехали к воротам и выстроенному в довоенном стиле дому, стены которого уже давно тосковали по малярной кисти.

Мы увидели вальяжного, импозантного мужчину с ярко-голубыми глазами, тонкой, как пергамент, кожей лица и небольшим ртом. Тот появился на крыльце как будто призрак, прежде чем мы успели нажать кнопку звонка или постучать в металлическую калитку... Он был в сопровождении огромного курцхара. Его свирепости мог бы позавидовать разве что ротвеллер.

Это был хозяин особняка Гаральд Люстерник. Он бросил собаке:

– Пирей, свои! – и курцхаар дружелюбно обнюхал нас с Владом и доверительно махнул обрубком хвоста.

На крыльцо вышел ещё один мужчина. Он был высок – ростом под два метра, седовлас и с обаятельной улыбкой на

лице. Это был Георгий Волков, охотник, журналист и великолепный собеседник. Среди своих его звали Джордж.

Влад представил меня, мы троекратно обнялись, поцеловались.

Гаральд Люстерник спросил меня, не желаю ли я выпить с дороги кофе или чашку чая. И все это – на одном дыхании. К тому моменту, когда он сделал следующий вдох, мы уже оказались на втором этаже, и Гаральд Люстерник показал нам с Владом наши комнаты. Комнаты были не смежными, но располагались рядом. Мне досталась большая, с занавесками из вошеного ситца и паркетным дощатым полом. Под огромным окном громоздилась нелепая складная лестница. Гаральд Люстерник перехватил мой недоуменный взгляд и пояснил, что лестница находится здесь на случай пожара.

Гаральд Люстерник оставил нас одних – распаковывать вещи. Я прилег на кровать. Влад принялся журить меня за то, что я завалился на постель прямо в обуви.

Я ощутил свое бессилие, снова очутившись между тем и этим светом. Этот синдром стал преследовать меня с тех пор, как Эдуард Хлысталов всучил мне сверток с двумя бандеролями. Я страстно желал поведать людям – ив первую очередь Владу Орлову – жуткую историю, которая со мной приключилась. Но четко осознавал: скажи я об этом хоть слово – и можно распрощаться с жизнью.

– С тобой что-то случилось, Рудольф? – не отставал Орлов.

– Ровным счетом ничего.

– Рудольф, у тебя неприятности?

– Никаких, – отрезал я.

– Рудольф! – В голосе Влада зазвучало отчаяние. – Послушай, если ты нуждаешься в помощи, доверься мне. Что-то произошло с тобой? Тебе пришлось драться?

Я почувствовал тяжесть в затылке и заявил:

– Влад, я не намерен далее обсуждать эту тему.

– Ты не намерен обсуждать!.. Боже, Рудольф! – воскликнул Влад. – Ты никогда ничего не намерен обсуждать. У тебя вечно какие-то тайны, до которых ты никого не допускаешь!

– Я совершенно не хочу с тобой ссориться, выяснять отношения. По крайней мере, сейчас... Но что мы скажем Люстернику и Джорджу?

– Говори, что хочешь, Влад. Мне плевать, – проворчал я.

Орлов выбежала из комнаты. Я лежал на кровати. Вот так же валяется на голой земле бессловесная тварь, забредшая слишком далеко от родных мест, от естественной среды обитания, потерянная и несчастная. На лапах ее засохла грязь, и нет никакой возможности избавиться от этой мерзости.

Влад вернулся.

– Я так хочу, чтобы ты им понравился! А они наверняка понравятся тебе. Ты только дай им хоть какой-то шанс... хоть крошечную возможность угодить тебе.

Я дружески хлопнул Влада по плечу. Тот хмыкнул, стал притворно улыбаться. Я не поддержал эту игру. Орлов оби-

делся, но виду не подал.

– Пойдем вниз, – предложил он. – Гаральд заварит чай. А потом погуляем. Ты не против?

Не проронив ни слова, мы выпили по чашке чаю и отправились на прогулку.

Мы побрели по грунтовой дороге, огибающей старый заброшенный сад. Он был обнесен высоченной каменной стеной, похожей на крепостную. «Ветра тут нередко достигают ураганной силы», – пояснил Орлов. Затем мы углубились в лес. Здесь пахло прелыми листьями. Мы дошли до берега заболоченного озера. В моем желудке усиливалась боль. Заглушить ее беседа с Влад Орлов была не в состоянии.

Нам встретился местный фермер, добрый знакомый Влада. Он попросил у меня разрешения на минутку заглянуть к нему, чтобы прикупить чего-нибудь к ужину. Я разрешил, втайне радуясь, что смогу немного побыть один.

День был прохладным, яркое весеннее солнце заливало округу хрустальным светом. В такую картину, в лирический пейзаж сельского Подмосковья очень плохо вписываются громоздкие, массивные существа вроде меня. В кишках у меня разбушевалась боль. В ухе зазвенело, и трудно было определить, что больше напоминал этот звук – сирену вышедшего из строя суперсовременного компьютера или набатный колокол, гудящий на пожарной каланче прошлого века. Я спустился к воде. На ее маслянисто-зеленой поверхности колыхались тысячи лилий. Я нагнулся, сорвал одну из

них – и тотчас почувствовал угрызение совести: зачем сорвал? Я оглядел озеро. На нем повсюду вспыхивали солнечные блики.

Разве я жажду чего-нибудь сверхъестественного? Да нет же – самой простой вещи: пусть уйдет, пусть сгинет наваждение, исчезнет паутина, которая за последние дни затянула мои душу и мозг, словно ряска озеро. Я закрыл глаза и глубоко вдохнул в себя воздух. В сознании промелькнул образ: черные птицы, пожирающие падаль на площади возле входа на Ваганьковском кладбище. Я воочию услышал голос Эдуарда Хлысталова, увидел его пронзительные глаза: «Вы должны это взять...»

Как только мы с Владом вернулись в дом, перед нами предстал сам хозяин Гаральд Люстерник в сопровождении огромного курцхара. В руках у него был голубь с пораненной лапкой. Пока мы знакомились, Гаральд шептал что-то птице, жалея бедняжку, затем унёс голубя в кухню, чтобы подлечить. Влад сбегал в машину за своей потрясающей аптечкой.

Мы с Джорджем (я стал его так называть) остались одни и могли перекинуться словцом «как мужчина с женщиной».

Мы прошли в кабинет, стены которого были обшиты темным деревом.

Здесь стоял крепкий запах кожи и табака. После первых пяти минут разговора для нас обоих стало совершенно очевидно, что единственный предмет, на котором сходятся наши интересы, – это выпивка. Мы выпили. Повторили и нали-

ли по третьему разу. Когда расправились и с этой дозой, уже были добрыми приятелями. Гаральд поступил очень мудро, оставив нас одних. Боль в желудке стала ослабевать. Руку и ту прекратило дергать.

И чего только Джордж не рассказал мне о своих голубях и о том, как они участвуют в состязаниях! С каждым новым глотком водки хобби Джорджа казалось мне все более увлекательным занятием. И как это часто со мной бывает после нескольких порций спиртного, я мысленно похвалил себя за то, что принял верное решение – прервал прогулку и вернулся в дом. Как раз тогда, когда Джордж собирался растолковать мне, как несправедливо велики преимущества голубятников, живущих в нескольких километрах от контрольных пунктов, по сравнению с теми, чьи голубятни расположены рядом со станциями, нас пригласили на ужин. Джордж заговорщически подмигнул мне и, прежде чем мы покинули кабинет, вновь наполнил наши стаканы.

Ситуация явно изменилась к лучшему. Собственно, не столько ситуация, сколько люди. Особенно Влад.

Он вышел к столу в рубашке. Я взглянул на Орлова и тотчас признал абсолютно необоснованными все обвинения, которые прежде выдвигал в его адрес.

Мы сели ужинать в небольшой комнате, окна которой выходили в сад. Я быстро сообразил, что в доме Люстерника эта комната никак не могла служить столовой. Но это было идеальное место для теплой беседы, для душевного общения

близких людей. Мы, все четверо, стали проникаться друг к другу все большей симпатией.

К сёмге было подано роскошное красное французское «Бордо». Я благосклонно отнесся к этому смелому сочетанию, найдя его весьма изысканным, и, поднимая тост за хозяйина, отметил его тонкий вкус. Глаза Влада заблестели. Беседа заметно оживилась. Мы коснулись тех тем, которые обычно обсуждают во время застолья современные культурные люди. Впрочем, круг их интересов, как правило, формировали кино и театральные новости Москвы.

Примерно в тот момент, когда мы приготовились отведать фруктового ассорти (а мне, жаждущему, представился шанс дорваться до бутылки «Бордо»), все полетело к черту.

Закат окрашивал сад в золотисто-розовые тона. Джордж рассказывал очередную историю на тему «охоты на вальдшнепов», а Гаральд одергивал его, напоминая, что эту историю уже слышал дважды. Орлов до того разошёлся, что позволил себе чашку крепкого кофе. Моё же московское компанияство постепенно начало улетучиваться. У меня вдруг возникло чувство несвободы, даже одежда стала казаться тесной и неудобной. Захотелось немного размяться.

Я нашел возможность выйти из-за стола, не обижая хозяев. Выразив свое восхищение домом и садом, заявил, что отсюда открывается бесподобный вид и я хотел бы им полюбоваться, и, осторожно ступая (что должно было, по моему разумению, свидетельствовать о моей благовоспитанно-

сти и весьма умеренном количестве потребляемого алкоголя), приблизился к окну.

И тут увидел его. Того самого типа в чёрном, что стоял за мной в очереди в аэропорту Шереметьево. Или его двойника...

Я держал его в поле зрения несколько секунд. За это время он пересек проселок и приблизился к каменной ограде. Совсем недавно мы там гуляли с Владом... Странный субъект был одет в длинное, плохо пригнанное по фигуре черное пальто, совсем не подходящее для такой теплой погоды. От неестественной легкости его движений меня передернуло. Он поднялся по ступенькам наверх ограды и, прежде чем исчезнуть в лесу, обернулся, пристально посмотрел мне в глаза и улыбнулся. Правда, это была не улыбка, а гримаса.

И раздался звук – как будто удар гонга. Ярость и страх, эти вечные антиподы, словно борцы, услышавшие сигнал, из противоположных углов устремились к центру ринга, а этот ринг был у меня в голове. Они сцепились, готовые разорвать друг друга в клочья. Мой мозг пылал. Но при этой схватке как бы присутствовал и посторонний наблюдатель. Он-то и уловил, сильно тому удивившись, в маленькой гостинной переделкинского особняка запах джунглей полуострова Юкатан в Мексике, где мне приходилось бывать десять лет назад. Мой внутренний голос отметил: да, приятель, ты снова оказался втянут в ужасную игру. Втянут незаметно, против собственной воли.

Нечто подобное со мной уже было, когда высокопоставленные ублюдки делали из меня убийцу. Ловко это у них получалось: зашвырнут тебя в водоворот – и выбирайся, как хочешь. А чтобы выбраться, нужно только проливая чью-то кровь, а им на это наплевать. Это твои проблемы. Хочешь выкарабкаться из этой каши – выбирайся, но самостоятельно. Потом, правда, в твоём сознании будут прокручиваться одни и те же картины: убийство, разрушение, ещё раз убийство. И так до тех пор, пока будешь вышагивать по этой земле. Впрочем, не обязательно идти. Можешь просто стоять, будто статуя, непредсказуемая для окружающих, как мина с часовым механизмом. Допустим, в каком-нибудь особняке в стиле ампир, когда смеркается, а у тебя за спиной кто-то разливает по чашкам кофе...

– Не пойти ли нам в зал? – раздался высокий мужской голос.

Фраза Гаральда, казалось, прозвучал откуда-то издалека. Вот он, еще не сожженный мост, по которому можно вернуться. Мои глаза остекленели, в них застыло недоумение. Я отступил от окна, повернулся. Стол находился на прежнем месте и был покрыт все той же льняной скатертью. Я увидел салфетки, скрученные конусом, ломти французского батона и бокалы, наполовину наполненные вином. Мелькнула мысль: ничего прекраснее не может быть на свете... Я попытался изобразить улыбку и приблизился к столу, чтобы коснуться скатерти, ощутить под пальцами ее крахмальную

упругость и убедиться, что пятнышко от пролитого вина по-прежнему алеет на белоснежной ткани. Это крошечное пятнышко олицетворяло для меня несовершенство, которое-то и делает жизнь возможной.

Джордж истолковал этот мой жест как просьбу наполнить бокал до краев и взялся за бутылку. Пальцы плохо слушались его (стараясь поддержать компанию, он выпил больше, чем следовало), но с задачей он все же справился. Глядя на этого импозантного гиганта, гостеприимного и простодушного, я растрогался до слез. Вытирая глаза, я врал, что, мол, так всегда случается, когда я попадаю на природу: чистый воздух вызывает-де у меня аллергию. В комнату вошёл сияющий Влад.

– Кофе подан. Настоящий итальянский кофе! – воскликнул он. – Пойдем, Рудольф!

Я поставил бокал на стол, так и не сделав ни глотка. Влад взял меня за руку, как строгая няня расшалившегося малыша, и провел в длинный, узкий зал, где витал аромат кофе, смешанный с запахом пыли.

Сумерки уже сгустились. Мрачное помещение залы освещалось лишь огнем камина, возле которого стояли два низких диванчика. Только на них и можно было сидеть, так как кресла были под чехлами. Отблески огня падали на черное дерево столов, отполированных несколькими поколениями обитателей дома, – сюда клали книги, ставили чашки чая, локти и подсвечники. У зала был свой, особый колорит.

Гаральд разлил кофе по чашкам:

– Надеюсь, вы нас простите, Рудольф, за то, что мы содер-жим зал в таком состоянии. Мы почти не заходим сюда, ко-гда бываем в доме одни. Он слишком велик для нас двоих. Но мы сочли, что вам будет любопытно взглянуть на него.

– Потрясающе! – сказал я. – Это какой-то рай на земле.

– Гардины настоящие, парчовые, старинные, – продолжал Люстерник. – В прошлом году мы собирались их заменить и произвели оценку. Полмиллиона рублей! Вопрос отпал сам собой. Решили сохранить – пусть висят, как висели. Одна беда – в них въелась вековая пыль. А чистить нельзя. Тро-нешь – только пыль и останется.

– Гаральд Яковлевич, они великолепны именно уже тем, какие есть, – заверил я. – Ваш зал – один из самых прекрас-ных, в которых мне довелось побывать. И не вздумайте чи-стить эти гардины!

– Как приятно это слышать от вас, Рудольф, – обрадовался Люстерник.

Джордж сидел возле самого огня напротив нас, подложив под спину большую подушку, закрыв глаза и тихонько по-сапывая. Гаральд Люстерник немного понаблюдал за Джор-джем, затем пожал плечами, поставил перед ним блюдце и чашку и поднялся с диванчика.

– Вы любите музыку? – спросил он меня.

– Погоди, я полагаю, что... – Влад попытался переубедить Тара льда.

– Ведь музыка – это божественно, – пропел Люстерник, не обращая внимания на вмешательство Орлова. – Какое блаженство – читать книгу и одновременно слушать Баха! Вы согласны со мной?

Гаральд ушёл в самый дальний конец зала, достал какие-то лазерные диски и поднес к глазам, очевидно с трудом разбирая в полумраке название. Похоже, это оказалось не то, что он хотел, и Люстерник положил диски на место.

– А знаете, я и сам когда-то играл, – вздохнул он. – И меня считали отличным пианистом.

Собственный храп разбудил Джорджа, он вздрогнул и открыл глаза. Какой-то миг тот осоловело таращился в темноту. Точь-в-точь как гусь Дак из деснеевского фильма. Потом его глаза опять закрылись, подбородок уперся в грудь, и Джордж снова захрапел. Мерное похрапывание Джорджа подействовало на Гаральда, как красная тряпка на быка. В голосе прорезались металлические нотки.

– У каждого композитора свой шарм, вы не находите? – обратился Гаральд ко мне. – Влад, к примеру, в восторге от Шопена, да, дорогой Джордж? – По-видимому, Орлов намеревался что-то ответить, но Гаральд не дал ему и словечка произнести. – Лично я предпочитаю Генделя. Он такой ясный и более организованный, что ли. Вот, смотрите.

Люстерник открыл шкафчик и принялся там суетливо копать. Так добросовестный хозяин ищет тряпку, чтобы потереть каплю воды на полу в кухне, сверкающей чистотой.

– Романтики такие скучные! – донеслось до меня. – Вечно ноют по поводу и без повода. Да так напыщенно! Гаральд извлек из шкафчика затрепанный альбом, вынул из него лазерный диск и поместил его в порт музыкального центра.

– Черт! – выругался он.

– Да, Гаральд Яковлевич...

– Джордж, подойди и сделай что-нибудь! Вечно у меня нелады с этой твоей техникой! – простонал Люстерник. – Я уже вне себя, вне себя...

Джордж встал. Его сухое тело выросло к потолку, как будто кто-то снял с полки свитер и развернул его. Гаральд уступил Джорджу право щелкать клавишами центра, а сам вернулся к столу и подлил мне кофе.

Через мгновение из усилителей хлынули потоки бетховенской музыки. Ее волны покатались по залу. Кажется, седьмая симфония?..

Гаральд подскочил на диване. Вероятно, он не заметил, что, возясь с проигрывателем, повернул регулятор громкости до упора.

– Джордж! – взорвался он. – Убавь громкость. – Затем повернулся ко мне: – Седьмая симфония Бетховена. Пожалуй, это единственная его вещь, которую я способен выносить. Ну, еще «Крейцера соната»... А все остальные чересчур помпезны. Вы не находите?

Джордж послушно повернул регулятор, но возвращаться к столу не стал, а застыл возле колонки, очевидно чтобы ему

было лучше слышно.

Я не ответил на вопрос Люстерника. В течение нескольких минут мы, все четверо, молча слушали первую часть произведения. Стоило музыке зазвучать, как блаженно-хмельное состояние, в котором я пребывал, начало меня покидать. Очарование прекрасного зала померкло. Ощущение легкости пропало, и я почувствовал, как что-то давит на меня. Поначалу я никак не мог определить, что именно и откуда оно взялось. Как будто грозное облако окутало меня и гроза впитывалась в мою кожу. Казалось, все мои восприятия проходили через фильтр незнакомой мне реальности – иной эпохи и места, иного, не моего, генетического кода. Облако вокруг меня становилось все гуще и гуще, пока в конце концов я уже не способен был разобрать, что за музыка звучит в зале. Казалось, пространство заполнено не воздухом, а каким-то куда более плотным, густым, вязким газом – никто из нас не мог и рта раскрыть. Влад коснулся моего плеча и робко улыбнулся словно ребенок, ищущий ободрения. Он находился на расстоянии не более полутора метров от меня, но я увидел его словно через мощный телескоп, но из дальней дали. Один обман, сплошной обман кругом, подумал я. Все ложь – и то, что происходило сегодня днем, и то, что происходит вечером. Разместившись в гостях на «их» софе и попивая «их» кофе, я принимал, как мне казалось, участие в постыдном действе.

Гаральд Люстерник достал набор лазерных дисков и подо-

шёл к музыкальному центру. Включил музыку. Первая часть симфонии завершилась. После кратковременной паузы началась вторая часть. Вырвавшиеся из заточения звуки понеслись мне навстречу из противоположного конца старинного зала, соединяясь в некую музыкальную ткань, в основу которой – всепоглощающую радость – постепенно вплетались звуки невыразимой скорби.

Все еще стоявший в отдалении от нас в углу зала Джордж, увлеченный симфонией, подался вперед и стал потихоньку усиливать громкость звука. Точно так малыш-сладкоежка исподтишка – чтобы не заметила мама! – всё накладывает и накладывает в мороженое варенье. Люстерник, поглощенный гостями, похоже, не заметил самовольства Джорджа.

Музыка звучала все громче. То ли Джордж, потакая собственной слабости, переусердствовал, то ли у меня не на шутку разыгралось воображение... теперь уже не определить. Несомненно одно – от покоя, от умиротворенности, которую подарили мне алкоголь и уют дома Джорджа, не осталось и следа. Музыка пронизывала мою плоть. Казалось, мелодия, словно ветер, распахнула дверь в другую вселенную, в тот мир, что не имел ничего общего ни с красотой старинного зала, ни с сидящим у музыкального центра Гаральда Люстерника, ни с Джорджем, втайне от него крутившего ручку регулятора, ни с Владом Орловым, глаза которого сияли от счастья. Музыка пробрала меня до кончиков ногтей и не в каком-то переносном, а в самом прямом смысле слова, бук-

важно вывернув наизнанку, вытащив мышцы наружу, выпустив кишки и наполнив каждую мою клеточку равно как ужасом, так и восторгом. По-моему, звук продолжал нарастать...

И вновь я уловил знакомый тяжелый запах испарений кавказских лесных джунглей, где все пышно разрасталось и плодилось. Чащобы «зелёнки» наступали на меня, обволакивая, готовые поглотить всего меня без остатка. Я словно увязал в густых кавказских лесах и становился их частью, где, растворившись, уже невозможно отделить себя от этого мира, от этих дебрей, невозможно понять, кто ты есть и каково твое предназначение. Этого-то им и надо руководителям военной компании, кто делает из тебя убийцу. Пусть все вокруг превратится в нечто бесформенное и неопределенное, и нельзя будет понять, что за предмет перед тобой, и не за что будет ухватиться – вот что им нужно. И тогда появятся они, тамошние бандиты и террористы. И укажут тебе путь – ту самую дорогу к победе, чтобы выполнить очередную операцию по ликвидации наёмников-убийц. Мне припомнились подробности этого триллера из собственной жизни, а не из голливудской ленты, получившего Оскара...

Бетховенская музыка продолжала нарастать. Старинный зал стал оживать (именно зал, его фактура). Ворсинки ковра, лежавшего у меня под ногами, резко вытянулись – выросли в настоящий лес. И я, как Гулливер в стране лилипутов, по-

игрывал кронами этого леса, шевеля их носком башмака.

Чуть погодя, я отхлебнул из чашки немного кофе в надежде, что он прочистит мне мозги. Кофе был потрясающий: черный и крепкий, вкусный до невозможности. Я поставил чашку на место и потер пальцами ткань, драпировавшую подлокотник дивана. К своему ужасу, я вдруг ощутил, что способен различить каждую ниточку этой ткани, имитирующую гобелен. Я будто приподнял покров над чем-то невидимым. Я быстро отдернул руку от подлокотника, но это уже мало что меняло. Все, буквально все в зале ожило, пришло в движение, задышало. Музыкальная ткань, казалось, проникала в мою плоть, вживлялась в мою суть. Сплетение звуков пробудило во мне какие-то доселе дремавшие силы. Я и не подозревал о существовании этих сил, мощных, непредсказуемых и неподвластных человеку. С каждой новой музыкальной фразой они нарастали во мне и рвались наружу. Что это была за мощь, каково ее предназначение, я не знал, но совершенно отчетливо чувствовал ее нарастающее давление. Возникла острая потребность в движении. Находиться в этом зале более было невозможно. Я резко поднялся, опрокинув столик и окатив Гаральда горячей черной жидкостью.

Он пронзительно закричал и вскочил в дивана. Я схватил его за плечи и встряхнул.

– Заткнись! – прорычал я. – Сейчас же заткнись!

Его голос был для меня непереносим. Я готов был на всё, чтобы заставить его замолчать.

– Рудольф! – завизжал Влад.

Я толкнул Гаральда в грудь. Он рухнул на диван и умолк. А я бросился в тот угол, где стоял Джордж, рванул усилитель на себя, затем вознес его над головой и грохнул об пол. За ударом последовал странный звук – что-то пискнуло. И наступила тишина.

– Боже, Рудольф, что ты делаешь?! – Орлов кинулся ко мне.

– Прочь с дороги, Влад! – проорал я, но он не обратил внимания на предупреждение. – Прочь с дороги, ну! – повторил я. – Прочь сейчас же!

Влад замер. Тело его обмякло, руки безвольно опустились. Я направился к двери. На пороге оглянулся. Так погромщик бросает последний взгляд на дело рук своих, наслаждаясь картиной разрушения.

В зале воцарилась тишина. Все застыло, словно стоп-кадр. Волшебная ткань дивана вновь сделалась обыкновенной, мебель перестала дышать, из ворсинок ковра уже не вырастали леса, а люди были ни живы ни мертвы, молча застыли на месте.

– Да простит меня Бог, – пробормотал я, распахнул дверь, взбежал по лестнице на второй этаж в отведенную мне комнату и упал на диван. И внезапно уснул, как будто провалился в глубокий колодец-пропасть...

Вдруг раздалось лёгкое постукивание в дверь. Я взглянул

на часы – было пять минут первого ночи. Чрезвычайно удивившись, я вспомнил, что в гостях и решил открыть. Встал и шагнул к двери, в полутьме споткнулся и, больно ударившись бедром о шкаф, взвыл от боли. Включил свет. Собака, вероятно курцхаар Пирей, обычно лаем бурно реагирующая на все посторонние звуки, странно поскуливала в коридоре, забившись в какой-то угол.

Я приоткрыл дверь – на площадке в длинной шубе стояла Елена Сергеевна Булгакова и улыбалась. Совершенно обалдев, я распахнул дверь. Елена Сергеевна сказала своим грудным голосом:

– Рудольф, извините за такой поздний визит, но просто дело очень серьезное. Входить не буду: внизу в машине меня ждет Михаил Афанасьевич. Зная, какое у вас сейчас настроение, я пришла вас успокоить: у вас всё наладится, переживать не надо. Одевайтесь, вас ожидает «Мерседес» – едем в дом Мака, – ой, прошу прощения! – в дом Булгакова с его «нехорошей квартиркой».

Елена Сергеевна кивнула и притворила дверь. Из коридора послышался перестук её туфель, – она спускалась вниз.

Я налил в бокал «Бордо», сделал глоток, поморщился. Но умиротворение не наступало: сердце бешено колотилось, и унять его было невозможно. Я распахнул окно, взглянул в черноту ночи, затем прилёг на кушетку. Вино разлилось внутри меня успокаивающим огнём, и это немного утешило меня, и вдруг я полетел куда-то в крошечную тьму. Уснул?

Нет, это не было обычным забытьём спящего человека, а некие реальные перемещения в пространстве жуткого сумрака сначала над Подмосковьем, а затем – над залитой огнями ночной столицей, а вернее сказать – над совершенно незнакомой мне Москвой.

В эту ночь я был неведомым образом перенесен к порогу «Дома Булгакова». Воздух был недвижим. Над моим ухом зазвенел комар, прилетевший из предместий Первопрестольной. Окружающий пейзаж казался необычным: Садовая зияла пустотой – ни привычной череды машин, ни людей на тротуарах; лишь фигура краснолицего бомжа в лохмотьях съёжилась в проёме приоткрытых ворот.

Неожиданно раздался шорох шин – это бесшумно подкрался чёрного цвета «Мерседес». Лимузин резко затормозил и остановился подле меня. Дверцы открылись, из салона выбрался худой человек в строго чёрном костюме. Такого измождённого лица, как у него, я никогда прежде не видел. Водянистые, глубоко запавшие глаза смотрели оценивающе и высокомерно. На тонких губах змеилась презрительная усмешка.

Незнакомец приказал мне следовать за ним. Голос его был сухим и властным. Странно, но волю мою и тело парализовал беспричинный страх. Я подчинился.

Мы беспрепятственно нырнули в арку Дома Булгакова, прошли мимо бронзовых фигур Коровьева и Бегемота и оказались возле дверей в подвал. Незнакомец дотронулся до

невидимой кнопки и кованые створки бесшумно отворились. Мы спустились вниз, прошли по коридору и свернули в сумрачную боковую комнатку. Мой спутник толкнул неприметную дверь, – та тихо скрипнула, и перед нами открылся низкий сводчатый коридор, ведущий куда-то вниз. Мы бесшумно двигались по ковровой дорожке, ведущей по спирали в подземелье; канделябры на боковых стенах освещали нам путь ярко горящими свечами.

Пока шли вниз, спутник не произнес ни слова.

Мы остановились перед тяжелыми коваными дверьми. На мои глаза надели повязку. Раздался лязг отпираемых запоров, мы вошли внутрь какого-то помещения.

Повязку сняли.

Я оглянулся и оторопел от увиденного: мы оказались в мрачном вестибюле с низкими сводчатыми потолками, в которые упирались колонны; в металлических светильниках-лампадах потрескивал огонь. У входа стояли три скелета, на полках в беспорядке покоились черепа или адамовы головы со скрещёнными костями. На тумбочке, покрытой красным бархатом, воцарились кинжал, пистолет, стакан с ядом и таблица со знаковым изречением «Кинжал, пистолет и яд в руке посвященного – это последнее лекарство для души и тела». На стене картина и распятый Христос; внизу подписано: «Одним «Утешённым» доступен свет Истины, которого не ведают ни прелаты, ни князья, ни учёные, ни сыны «нового Вавилона».

Мой провожатый негромко, но довольно жестко сказал:

– Друг мой, не надо слов, только слушайте и подчиняйтесь. Вы удостоились чести быть принятым в наше братство. Вопросов не задавать, прошу делать то, что скажут.

Со скрипом передо мной распахнулись окованные железом двери, и мы оказались в просторном зале некоего громадного замка. Стены помещения, выложенные красным кирпичом, представляли правильные прямоугольники; в огромную залу вело шесть дубовых дверей. Пилястры и потолок радовали глаз зеленовато-голубыми тонами. С потолка свисал трос, держащий бронзовый равносторонний треугольник – своеобразный светильник; под ним стояли громадные витые канделябры с толстенными свечами. На шести венских стульях сидели в камзолах и париках какие-то сановники и непринуждённо переговаривались между собой. Спиной к нише, обрамлённой полудрагоценным опалом, в кресле, за столом-конторкой под тяжелым чёрным бархатом балдахина сидел Великий Командор Гаральд Люстерник. Над ним царил венчаный золотою короною двуглавый орёл с рапростёртыми крыльями; в его сжатых когтях был меч...

Гаральда Люстерника я узнал тотчас же. По правую его руку возвышался светильник из трёх свечей, а перед ним была раскрыта толстая книга, страницы которой были испещрены вязью то ли на иврите, то ли на арабском.

Пронзительно посмотрев мне прямо в глаза, он отдал ко-

му-то распоряжение:

– Все уже в сборе. Приступайте к делу, первая молитва – Моисеева.

Шестым чувством я понял, что сейчас будет проведен обряд посвящения в масонскую ложу. Я безропотно и легко подчинился ритуалу, и соглашался со всем, что мне говорили.

Как посвящаемый в капитул «Утешённых», я поначалу вступил на начертанные знаки на ковре, совершенно не понимая ещё масонского значения символических фигур: тайна символов будет мне оглашена только после клятвы сохранения тайны и соблюдения орденских знаков. Положив руку на Библию и лежащий подле обнаженный меч, я стал читать текст клятвы, поданный мне спутником в сером одеянии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.